

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

ХОЧУ НАЙТИ ОТВЕТ

* * *

Тургеневский кружился листопад,
глубокий пруд без меры осыпая.
Сюда пришла я просто наугад,
доверчиво,

за солнцем,

как слепая.

И был каким-то вяжущим покой,
и мысли без конца и без начала.
Над этой неподвижной водой
я очень долго, помнится, стояла,
в руках кленовый листик теребя,
как барышня из N-ского уезда...

...Вдруг заглянула,

может быть, в себя,

а может быть, в чернеющую бездну
и отшатнулась.

Только горький крик

застрял в груди,

и небо потемнело.

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна родилась в 1983 году в г. Витебске. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Автор сборника стихов "На грани света". Победитель Международного конкурса "Литературная Вена-2013" (Австрия) в жанре поэзии. Живёт в Витебске.

О том, что мне открылось в этот миг,
я никому поведать не посмела.

...Блестит на окнах тонкая слюда —
мороза филигранная работа.
Но вновь и вновь мне хочется туда,
где чёрный пруд и листьев позолота.

* * *

Хочу все наши дни, как чётки, перебрать,
чтобы найти ответ на то, что душу гложет.
Как за последний шанс, хватаюсь за тетрадь,
хоть знаю:

всё равно бумага не поможет.

Уже и не пойму:

ну, что поделывать тут?
(Неловкая строфа застыла на пороге).
Его или свои —

да после разберут! —
я на измятый лист записываю строки.

А за окном дожди —

примета ноября, —
и кажется, тепла сама природа просит.
Но солнца больше нет.

Лишь свет от фонаря
на мокрые зонты рассеивает осень.

И горько я прошу:

“Признайся мне, душа,—
мы по душам давно не говорим с тобою —
зачем,

в какой ночи
ты тихо перешла
ту грань,

когда любовь становится судьбою?..”

* * *

Случилось всё не вовремя и странно,
и месяц гнул серебряную бровь,
мигал фонарь, чернел фундамент храма,
и были звёзды, и была любовь.

И был январь не по-январски тёплым
с не вовремя пролившимся дождём,
и плыл рассвет по запотевшим стёклам,
случайный — тот, в котором мы вдвоём...

Забуть его, как сумку на вокзале,
как вещь в шкафу, когда давно мала.
И встретить удивлёнными глазами
и новый взгляд, и свет, и купола...

Когда нельзя от прошлого укрыться
и строгий месяц снова хмурит бровь,
так горько перелистывать страницу,
но храм стоит, а значит, есть Любовь.

* * *

Эту возможность —
когда позовут —
кто-то лукавый подбросит незримо:
переписать, как плохую главу,
переиграть без костюмов и грима.

Под привокзальные крики ворон
ты, прихватив чемодан толстощёкий,
просто садишься в последний вагон
и возвращаешься в точку отсчёта:
в мудрость, где нет поседевших волос,
в юность, не знавшую долгих сомнений,
в детство, где не было маминых слёз
и синяков на разбитых коленях.

...В кассе мигнёт электрический свет...
Перебирая рассеянно сдачу,
выброшу в урну обратный билет,
не понимая, смеюсь или плачу.

* * *

Заалееет закат,
тихо звякнет ведерко в колодце,
глухо скрипнет скелет
заколоченных дедом дверей.
На вечерней заре,
как всегда, начинает колотиться
ворох прожитых лет,
что судьбе отдавались за так.

А вокруг — ни души.
Только серая пыль огородов,
на которых весной
густо всходят крапива да сныть.
Не спеши уходить,
не забыв обратную дорогу:
по земле за тобой
твоё прошлое змейкой шуршит.

Этот пасмурный век
заметает забытые тропки,
и в колодце вода
неизбывной полыньёю горчит.
Разлетятся грачи,
но в попытке — безумной и робкой —
ты вернёшься сюда,
чтобы вспомнить, что ты человек.

* * *

Между тучами — краешки неба синего —
окна в истину — прозрачны и чисты.
Словно в зеркало, глядится Ефросиния
в неразбуженные воды Полоты.

Ночь хоронится в трепещущем осиннике,
много тёмного выдавшем на веку.
И в зарю идут былинные дружинники
из мифического “Слова о полку...”

Ни вернуться в эти дали, ни покаяться,
ни откликнуться на этот вечный зов...
Только стрелы Перуновы отражаются
в спелых луковицах здешних куполов.

Оттого, видать, в Христово Воскресение,
находясь от просветленья в двух шагах,
вдруг душа рванётся следом за Есениным
Русь оплакивать в московских кабаках.

* * *

В этом доме не спали, боясь немоты,
те, кого всё равно не слышали...
И один, постигая закон высоты,
сизый голубь взмывал над крышами.

И свисти не свисти, и зови не зови —
в синеве растворялся точкою...
Бесприютное слово летело за ним,
словно дым папиросы в форточку.

Прозвенело. Застыло. Оттаявший март
приподнял воротник, поёжился.
Собирая колоду рассыпанных карт,
время строки свои итожило...

За стеклом, как минувшего века штрихи,
притаились тома и сборники.
Но на кухнях всё реже читают стихи,
и дворы метут просто дворники.